

вспыхнуло восстание, несмотря на предостережение князя. Возможно, что самому летописцу принадлежит такая переработка устного рассказа, в итоге которой с князя оказалась снятой всякая ответственность за это восстание, но вероятно инициатива восстания против насильника Шевкала принадлежала действительно самому народу. Потому-то псковскому летописцу, пожелавшему выдвинуть роль тверского князя Александра на первое место, пришлось сочинять свой рассказ по образцу столкновения Ярослава со Святополком. Фактов, подтверждавших, что во главе восстания стал сам князь, в его распоряжении не оказалось.

Песня обобщила ход событий и не упомянула даже о том, что летопись подробно описала, конечно, со слов самих тверичей, участников восстания. Именно эта часть летописного рассказа особенно насыщена реальными подробностями, выдумать которые летописец не мог: диакон Дюдко „в полуутра как торг снимается“, „поведе кобилу младу и зело тучну пойти на Волзе воды“; татары отнимают лошадь, Дюдко взывает: „о мужи тверстии, не выдайте“. Татары первые начали „сечи“; тогда ударили в колокола, „сташа вечием“, и началась „замятня“ — татар избивали, „где кого застронив“. Убили всех — „не оставиша и вестоноши“, и только из-за города „пастуси коневии“ помчались с вестями в Москву и в Орду.

Основанный на устном предании, рассказ на этом и кончается, а под следующим годом, в обычной летописной манере, кратко описана „Федорчукова рать“ — разорение Твери за убийство Шевкала и татар. Ни одной живой подробности в этом сообщении нет.

Несомненно, к XV в. относится в летописном рассказе 1327 г. лишь его начало — татары натравливают хана на князя тверского Александра, а Шевкал вызывается погубить Тверь. Самый стиль изложения здесь иной, чем в дальнейшем — вся обычная дидактика использована летописцем: „за умножение грех ради наших, богу попустившу диаволу възложить злаа в сердце безбожным татаром глаголати беззаконному царю...“; Шевкал — „беззаконный, проклятый и всему злу начальник, разоритель христианский, отверзе уста своа скверная, начат глаголати, диаволом учим...“.

Весь этот начальный эпизод напоминает близко начало летописной повести о Мамаевщине: „И разгорде окаанный Мамай и мя ся яко царя и сътворив злый съвет с князи своими темными, река: «Пойдем на Русскую землю и попленим ю яко же и при Батые было, хрестьянство погубим, а церкви их огнем попалим»“. Все эпитеты Шевкала и татар — типичны для повестей о татарщине XV в.

Таким образом, за счет устного источника можно отнести в рассказе Тверского сборника лишь ту часть, которая начинается с описания насилий Шевкала над тверичами.

Версия Тверского летописца исключает все, основанное на устном предании, и, в отличие от Тверского сборника, выдвигает роль князя